

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

МАТЕРЫИ МЕНТ

ЭКСМО

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Матерый мент
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120574

Леонов Н., Макеев А. Матерый мент. Капитан пиратского брига:

Авторский сборник: ЭКСМО-Пресс; М.; 2004

ISBN 5-699-05302-6

Аннотация

Типичная «заказуха» – три выстрела в тихом московском дворике. Кому мог помешать мирный ученый биолог? Ни улик, ни зацепок – как это часто бывает, когда имеешь дело с заказным убийством. Единственное, что смутно беспокоит Льва Гурова, – так это чересчур благостная обстановка в лаборатории, которую возглавлял убитый. В тихом омуте, как говорится, черти водятся. Чутье не подвело опытного сыщика – «черти» действительно имеют место. Только вот такой их разновидности полковнику Гурову до сих пор не встречалось.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Николай Иванович Леонов

Алексей

Викторович Макеев

Матерый мент

Пролог

Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД РФ, неторопливо шагал по осеннему Никитскому бульвару. Он возвращался домой с работы, и спешить было незачем – Мария, его жена, отправилась со своим театром в гастрольную поездку и должна была вернуться не раньше, чем через неделю. Когда у него была такая возможность, Гуров предпочитал ходить пешком – это помогало сохранить форму, да и думалось на ходу как-то особенно хорошо и прозрачно. Настроение у него было спокойное и даже умиротворенное, основные дела закончены, мелочи подчистят ребята помоложе, можно немного расслабиться.

Гуров слегка усмехнулся своим мыслям – ох, редко такое настроение бывает у сыщика, ценить надо!

Лев Иванович любил раннюю осень и любил Москву. За

почти 30 лет своей работы в сыске он объездил весь бывший Союз, но ни холодная, несколько чопорная красота Ленинграда, ни сиренево-розовые, пропахшие кофе и историей камни Еревана, ни буйная зелень майского Киева, ни игрушечно-средневековые городки Прибалтики не могли вызвать у него того ощущения радостной и нежной сродненности, как его Москва. Конечно, он видел, что за последние десять лет – время расцвета «дикого капитализма» – столица изменилась, и изменения эти были ему не по нраву. Столица стала вульгарной, как красивая женщина, накрасившаяся и одевшаяся без вкуса и меры. Но пройдешься по Ордынке, свернешь на Пятницкую или в Лаврушинский, посидишь в Нескучном саду – и из-под слоя плохо наложенного макияжа проглядывают такие знакомые и такие милые черты!

Гуров опять внутренне улыбнулся: эх, куда занесло, можно подумать, что он персональный пенсионер и всех дел у него – через день любоваться красотами московской природы да архитектуры... Какой уж там Нескучный! Прогуляться вот так от министерства до дома или, утречком, от дома до места любимой службы – это ведь подарок, а обычно-то... «По машинам» и марш-марш вперед, дела не терпят, и успеть надо так много, иной раз ведь и жизни человеческие от этой спешки зависят. Что делать, такая у него, полковника милиции Гурова, работа, сам выбирал, насильно не тащили. А за рулем, конечно, так город не почувствуешь...

Тут от отвлеченных, необязательных и потому таких при-

ятных мыслей ему пришлось вернуться к прозе жизни. Полковник вспомнил, что, кроме двух-трех помидорин, пачки лососевого масла и лимона, в холодильнике у него ничего нет. Придется заскочить в угловой супермаркет – ох, до чего же раздражали Гурова эти «англицизмы», набранные родимой кириллицей, – за традиционными пельменями и буханкой «бородинского». Над трогательной любовью Льва Ивановича к пельменям втихую похихикивали, но все было просто – он не любил готовить, тем более для себя. Не любил, но умел, и очень неплохо. Гуров, еще раз улыбнувшись, вспомнил, как в самом начале своего романа с Машей, а та была прирожденным и блестящим кулинаром, он до расширенных глаз и удивленного «м-м-м!» поразил ее, приготовив кальмара по-корейски. Были, были у него свои «фирменные» блюда, и Мария иногда, правда очень редко, упрашивала-таки мужа «сварганить что-нибудь этакое»...

Однако вот и пельмени куплены, и пакет с хлебом в руках. Гуров подошел к двери подъезда и уже изловчился набирать код, как вдруг что-то несильно ткнуло его под правое колено. Гуров обернулся. Щенок, палево-коричневый, с чудесными лохматыми вислыми ушами и лохматым же хвостом, которым он крутил, как пропеллером. «Месяцев пять-шесть», – подумал Гуров.

– Пес! Ты что, потерялся? Лопать хочешь? – нагнулся он к собачке.

«Нет, пес и не думал теряться, вот и ошейник, дорогу-

щий, – отметил Гуров про себя, – а вот и симпатичная девчушка в легкой спортивной курточке и с поводком уже подбегает от ближней скамейки».

– Лорд! Фу, Лорд! Вы его не бойтесь, это ему так поиграть с вами хочется, правда...

– Ну, такого зверя, да не испугаться, это свыше сил человеческих, – рассмеялся Лев Иванович и, присев на корточки, почесал «аристократа» за ухом. Восторженно взвизгнув, пес опрокинулся на спину и, потешно дрыгая задней лапой, подставил Гурову пыльное брюхо.

– Э, нет, дорогой мой! Ты так только хозяйке доверяй, а то вдруг я – негодяй какой и питаюсь исключительно щенками! – Гуров тихонько щелкнул Лорда в теплое розовое пузо и занялся дверным кодом.

Полковник Гуров всегда хотел завести собаку, но прекрасно понимал, что при их с Марией образе жизни эта его мечта так мечтой и останется: то жена в разъездах, то он... Вот разве что на пенсии, но пенсия казалась чем-то далеким и не совсем реальным, как Крабовидная туманность... Как-то раз он чуть в шутку, а больше – вполне серьезно сказал жене: «Знаешь, милая, жить надо все-таки так, чтоб было на кого оставить собаку. Но нам с тобой меняться поздно. Ладно – крепче друг друга беречь будем». Строева улыбнулась в ответ, но была та улыбка невеселой.

«Ну и ладно, – думал Гуров, открывая дверь квартиры, где не было ни собаки, ни кошки, где сейчас вообще никого не

было, – ну и ладно. Вот сварим пельмешков, бутерброд маслом лососевым намажем, можно даже два бутерброда, заварим хороший крепкий „Липтон“ – чай, слава небесам, есть. А там, на сон грядущий, устроим себе маленький праздник: почитаем „Опыты“ Монтеня...»

Полковник Гуров не знал, что в это время на другом конце Москвы происходит то, что надолго лишит его спокойного настроения, что превратит его, уже немолодого, уравновешенного и презрительно битого жизнью и службой сыскаря, в человека, одержимого холодной и горькой яростью, в стрелу, летящую к цели с одной мыслью – поразить, поразить, поразить проклятую цель. А ждать этого оставалось всего ничего – до завтрашнего утра...

* * *

Совсем непохожая на игрушечного щенка Лорда собака выходила из подъезда элитной девятиэтажки во 2-м Ботаническом переулке. Мощный, явно немолодой и исполненный чувства собственного достоинства ротвейлер в крупном, солидном стальном ошейнике, не натягивая поводок, очень спокойно вышел из подъезда. Да, это был не Лорд! В собаке отчетливо проглядывала порода и ненапускной, уверенный аристократизм. Под стать собаке был и хозяин – высокий, стройный мужчина лет пятидесяти или чуть старше на вид, с уже поредевшими и седоватыми, но тщательно приче-

санными волосами, в очках. Одет мужчина был в светло-серую рубашку, строгий темный костюм, полуботинки сверкали – сразу почему-то было ясно, что вычищены они специально для вечерней прогулки с собакой. Мужчина краем рта улыбнулся чему-то своему и тихо сказал: «Пошли, сэр Уинстон...» И это были почти последние слова, сказанные им на земле. К счастью для полковника Гурова и еще многих, многих людей – почти...

В девять часов вечера двор был и не полон, и не пуст – трое старушек на скамейке под небольшой рябинкой, стайка тинейджеров с магнитофоном немного правее подъезда, да основательно поддатенький мужичок неопределенного возраста, чуть покачиваясь, наискосок пересекающий двор. А слева от подъезда тихонько пофыркивала на холостом ходу вишневая «девятка» с тонированными стеклами.

Крупная серая кошка, сидевшая на коленях у одной из бабулек, с фырчанием вспрыгнула на рябинку, когда передняя дверь машины резко распахнулась и в тишине осеннего вечернего двора прогрехотали три выстрела. Никто и ничего не успел понять, а дверь «девятки» так же резко захлопнулась, и машина, взревев мотором и визжа покрышками, развернулась как будто прямо на месте и мгновенно скрылась за углом дома, уходя в переулок.

Мужчина, держащий поводок ротвейлера, схватился обеими руками за живот, согнулся и медленно, как в кино, повалился на бок около подъездной двери. Стало очень тихо,

даже магнитофон в руках чернявенького подростка словно замолчал. Время остановилось на десяток секунд, чтобы взорваться диким женским визгом и жутким матом мгновенно протрезвевшего мужичка. А потом низко, тоскливо и безнадежно завывла собака...

– Оля! Оля! Да что же это такое?! – Старушки кричали все сразу. – «Скорую», «Скорую», «Ско-ру-ю»!!! Милицию вызывайте! Это ж академик! Академик с четвертого этажа, из пятнадцатой! Милицию! Может, он жив еще, может, не насмерть, спасите человека!

Подростковую компанию как метлой смело от подъезда, мужичок, не испугавшись собаки, как-то очень осторожно и ловко отодвинул застреленного от двери и повернул его лицом кверху. Из рта мужчины вытекала тоненькая струйка ярко-красной крови, а под его спиной кровь собралась уже в солидную лужу.

– Оля! Надя! Да что же это? «Скорую»! Милицию! А вдруг живой еще! – Одна из бабулек мышью метнулась в приоткрытую подъездную дверь. – «Скорую»! А может, живой еще?!

...Он был «живой еще» и прожил около двух с половиной минут. Как раз столько, чтобы успеть прохрипеть, просипеть, прокашлять в лицо смертельно, известково-бледной высокой женщины в алом домашнем кимоно и тапочках на босу ногу:

– Люба! Люба, больно! Люба, это все! – и потом совсем

тихо, захлебываясь: – Наркотик... это наркотик... Петру... скажи... те.

И вот это были действительно его последние слова. А на весь двор жутко и тоскливо выла собака.

Глава 1

Петр Николаевич Орлов, генерал-лейтенант МВД РФ, непосредственный начальник и близкий друг Льва Гурова, вызвал его около десяти часов утра. Голос генерала в трубке внутреннего телефона был вроде бы спокойным, да и много ли поймешь по короткой фразе: «Лева, зайди. И побыстрее...», но Гуров работал под началом Орлова не первый год. Никаких плановых встреч или совещаний на сегодняшний день назначено не было, вся гуровская текучка пребывала во вполне приличном состоянии и пристального внимания руководства попросту не требовала, а в то, что генерал Орлов со вчерашнего дня успел остро по нему соскучиться, Льву не верилось. Значит, что-то случилось, в смысле стряслось; такова уж была специфика работы людей, занимавших кабинеты этого здания, и новости они делили на плохие и очень плохие. Да и то, что позвонил сам Орлов, а не его очаровательная и слегка в Гурова влюбленная секретарша, тоже было признаком вполне определенным и радужных надежд не вызывающим. Иногда Гурову казалось, что за столько лет совместной работы и дружбы у него с Петром Орловым установился почти телепатический контакт – не то чтобы мысли друг друга читать, но вот настроение почувствовать – вполне...

Льву Ивановичу повезло с начальством, он прекрасно

осознавал это, да и Орлов считал, что Гуров – счастливчик, потому как с гуровским ершистым и независимым характером самым поганым было бы нарваться на дурака или карьериста в погонах, на которых звезды повесомее, чем у подчиненного. Орлов же ни дураком, ни карьеристом не был, скорее наоборот.

Сам в прошлом великолепный оперативник – умный, храбрый и с прекрасным воображением, Орлов прошел, по его собственному выражению, «всю лестницу – ножками, ножками, – лифтов мне не подавали...» от районного уполномоченного до начальника одной из самых мощных и высокопрофессиональных структур российской милиции. А такой путь понимающему человеку много о чем говорит. Крутой и без перил была лестница, пройденная генеральскими «ножками». Считая Гурова оперативником «божьей милостью», виртуозом сыска, генерал старался использовать его в делах особых, на «рядовуху» других хватало – хоть не всегда, ох, не всегда старательных, толковых, грамотных, но без той печати редкостного таланта, который и позволяет человеку достичь в своем деле вершин. Мелочной, да и не мелочной, пожалуй, опеки Лев не стерпел бы, и хоть часто очень хотелось Петру Орлову подправить Гурова, подсказать что-то, а пуще предостеречь от чего-то – любил Гуров работать рискованно и нестандартно, – генерал практически никогда этим своим порывам воли не давал. Многолетняя практика показывала, что делу это шло только на пользу. Стас Кряч-

ко, уж который год «друг и соратник», а ныне и заместитель Льва Гурова, как-то в нервной запарке – заваливали дело, безнадежно, казалось, заваливали, хотя и осилили в конце-то концов – буквально рявкнул, им троим тогда было трижды наплевать на субординацию:

– Петр! Твое дело – наши с Гуровым задницы от начальства прикрывать и под ногами не путаться!

Орлов рявкнул что-то в ответ, но в глубине души согласился с грубияном и никакой обиды не затаил. Да и какие тут могут быть обиды между своими, работал Орлов с этой милой парочкой двадцать с лишним лет, и соли они съели вместе уже не пуд, а целый вагон.

Гуров встал из-за стола, подошел к небольшому овальному зеркалу, висевшему над сейфом, поправил чуть растрепавшиеся волосы и узел галстука. Слегка улыбнулся собственному отражению, вспомнив извечные мучения генерала с этой деталью мужского костюма и свое подтрунивание над Орловым, – ну никак не удавался тому галстучный узел, и злился Петр на это свое неумение вполне всерьез. «Наверное, поэтому и не любит Петр костюмы, все больше в форме, – подумал Гуров, открывая дверь генеральской приемной. – А что, красивая форма, сам бы не снимал, да вот только много ли мы со Стасом в ней наоперативничаем...»

– Веруня, здравствуй, красавица ты наша! – Гуров подошел к столу секретарши Орлова. – Что хорошего? Чем порадуешь? Как там наш наиглавный, строг и суров с утра по-

раньше?

– Скажете тоже, красавица, – привычно изображая смущение, пропела Верочка: это у них с Гуровым была такая давняя игра в «супермена-сыщика» и «юное создание», а ведь нравился полковник ей и очень по-настоящему нравился. – Скажете тоже... А Петр Николаевич... Смурной какой-то он... Ему два звонка было утром – из прокуратуры и еще кто-то, он сам трубку снял. Вышел, сказал, чтоб никого не пускать, хоть, говорит, министр появится – нет меня.

Верочка улыбнулась и озорно подмигнула Гурову, который доподлинно знал, что, появившись на свою беду министр после такого приказа Орлова, дальше Верочкиного «предбанника» нипочем бы он не прошел, разве взвод омовцев впереди, и то...

– Да вы проходите, Лев Иванович, вас он как раз ждет.

– Ну, спасибо, Веруня. А тайны страшные, служебные: «из прокуратуры... сам трубку снял...» – их даже мне – ни-ни! – Гуров подошел к двери генеральского кабинета и, пару раз слегка постучав согнутым пальцем, открыл ее, напоследок невесело подумав: «Смурной... Знаем мы, отчего Петр смурной бывает... Не иначе кусок колбасы несвежей на завтрак съесть изволили».

– Полковник Гуров по вашему приказанию явился, – отчеканил Лев, поедая начальство глазами и вытянувшись «во фронт». Это тоже была давняя традиция, возникшая еще в пору Левиного лейтенантства и первых его встреч с моло-

дым тогда Петром Орловым. По сценарию генерал должен был «сверкнуть глазами» и грозно ответить: «Привидения являются, полковник! Вы по моему приказанию прибыли!» На что Лев жалобно блеял: «Это как поезд, да?»

Глуповато со стороны, но в адовой их работе и такая примитивенькая разрядка помогала, да и вспомнить те далекие годы было приятно.

– Здравствуй, Лева, – Орлов не поддержал хохмочку, и Гуров окончательно понял, что произошло нечто поганое и в погань эту не миновать ему самому нырять «ласточкой». – Здравствуй, – повторил генерал, – присаживайся, Лева, поговорим.

– Петр, не разбегайся: прыгай. Говори, что случилось? – Гуров крепко пожал протянутую руку Орлова и, отодвинув приставленный стул, сел чуть сбоку от стола генерала, поближе к хрустальной, сияющей чистотой пепельнице. Ничего еще не было сказано, а курить Гурову уже захотелось. «Сколько раз говорил себе – купи пачку сигарет приличных и положи в карман. Ну нет желания, так и не кури их, но чтоб были, – всплыло в голове Гурова как-то само собой, – а то опять людям на смех у Станислава стрелять...» Курил Гуров мало, в успокоительное действие никотина на нервную систему не верил совершенно, но вот хотелось... Иногда... Орлов же когда-то дымил, как два паровоза, всему предпочитая «Беломорканал» фабрики Урицкого, но вот уж лет пять, как врачи запретили ему начисто. Пришлось на леденцы пе-

реходить, коробочка этих омерзительных на гуровский вкус конфеток всегда лежала в верхнем ящике его стола и еще одна – в кармане кителя. Но генерал любил, когда при нем курили, как бы участвовал в удовольствии других – воистину «пассивный курильщик», – и Лев со Станиславом старались курить в его присутствии пореже. Зачем дразнить человека?

– Да что у нас, Лев Иванович, случиться может, – невесело улыбнулся Орлов, усаживаясь рядом со Львом, – Нобелевскую премию мира ни тебе, ни мне не дали, жадничают шведы... – Он помолчал с полминуты. – Человека убили, Лев Иванович, и ловить убийцу будешь ты.

– Ну, ловить-то нам не привыкать, – Гуров внимательно посмотрел на Орлова, – но с чего это, Петр Николаевич, такая вселенская скорбь? Мы же профессионалы, а, на кладбище живя, по всем покойникам не наплачешься... Знал ты убитого, да? Угадал ведь?

– Ой, психо-олог ты наш доморощенный, – через силу улыбнулся генерал, – знали ли вы убитого, гражданин Орлов, и уж не вы ли вчера около двадцати одного ноль-ноль вlepили члену-корреспонденту Российской академии наук Александру Иосифовичу Ветлугину три пули из «макарки» в живот?

– Во-от оно как, – тихо сказал Гуров, – это что же, сезон отстрела академиков?.. Прости, Петр...

– Бог простит, – Орлов досадливо нахмурился. – Знал я его, Лева, знал... Хотя что значит «знал»? Не друг ведь и

не приятель даже... В шахматы мы с ним играли, партнер мой постоянный и давний. Я ведь, да будет тебе известно, на досуге очень люблю в шахматы сразиться. Ты вот Монтеня да Ларошфуко читаешь, все уши прожужжал, а я фигурки двигаю. – Орлов чуть смущенно улыбнулся. – Случайно познакомились лет пятнадцать назад в Ботсаду, там отличный шахматный уголок. А он живет рядом. Жил, пропади оно все пропадом... Вот с тех пор и раз-два в месяц встречались за доской, когда у меня, у него дома тоже бывать приходилось, а больше – все там же, в Ботсаду, знаешь, мы там не одни такие фанаты... А недавно, с год назад, он загорелся – дескать, давай, Петя, мы с тобой двух японцев на партию по переписке вызовем, устроим им, самураям, Халхин-Гол! У него там, в Киото, какой-то хороший знакомый по работе, они же ученые, у него разве что в Антарктиде таких не было. И, представляешь, Лева, договорились ведь! Мы с Саней белыми, самураи – черными должны были, да что-то никак до первого хода добраться не могли – текучка, дела, то ему некогда, то мне. Вот и поиграли... Вот и устроили Халхин-Гол с озером Хасан вперемешку. Там, знаешь, шахматы – шахматами, но и за жизнь маленько говорили, мы ж не Карповы – Каспаровы, это они от большого гроссмейстерского ума друг на друга волками глядят и, кроме как по матушке, слова сопернику не скажут. Так вот, Лев Иванович, ты уж мне поверь: хороший Саша был человек. Правильный. Чистый. – Генерал помолчал с минуту.

Молчал и Гуров, переваривая такую, несколько неожиданную, информацию. Уж вроде хорошо он Петра знал, а надо же, еще и шахматист господин генерал, и, видать, нехилый, раз на японцев в атаку собрался. Но главное – это Петина оценка покойного. В словаре Петра Николаевича два эпитета «правильный, чистый» очень многого стоили и очень солидно весили, это полковник Гуров знал точно. Орлов потер лоб – Льву хорошо был знаком этот жест, нервничает Петр, – и продолжил:

– Но это все лирика, Лев Иванович. Важнее оказалось не то, что я его знал, а что он – меня, такой вот парадокс. После того как какая-то сволочь в него три пули всадила, он чудом, именно чудом, несколько минут прожил. Случилось это все прямо на пороге его дома – с собакой он гулять выходил. Люба, Любовь Александровна, жена Сашина, успела убежать за десяток секунд до... Бабулька-свидетельница успела сообщить, пока он у подъезда в луже крови лежал. – Генерал поморщился и снова задумчиво потер лоб.

– Он что, успел ей...

– Да. Успел, – перебил Орлов, – но очень немного. Я еще с Любой не общался, но из прокуратуры позвонили и сказали, что Александр что-то про наркотики... И совсем перед самым концом просил «сказать Петру». – Орлов тяжело вздохнул. – Когда из райотдела приехали, жена хоть в шоке была, но про слова его последние не забыла. Мало того. Ее когда спросили про знакомых Петров, она, умница, про меня пер-

вого вспомнила. Вообще-то понятно – смерть, да еще про наркотики что-то... Сразу милиция на ум приходит. Ребята из райотдела не лопухами оказались, мне сегодня утром уже звонили.

– Это тебя сначала из прокуратуры обрадовали, дескать, уголовное дело возбуждено и работать нам вместе, – поинтересовался Гуров, – а чуть позже райотдельщики подстраховались, точно ли не им эта головная боль досталась. Все верно. Не их это уровень. Наш.

– Откуда ты только такой умный и проницательный на мою голову, – покачал головой Орлов. – Наш, Лева. Так что начинай копать. Все, что успели, – протоколы, акты экспертиз и прочее – через полчаса будет у тебя на столе.

– Прочее, оно конечно... Но ты, Петр, оперативности для, мне своими словами расскажи – что уже известно. А то я пока только и понял, что стреляли из «макара», – попросил Гуров.

– А ничего больше и не известно, иначе – зачем бы ты нужен был, а? – мрачно ответил генерал. – Тело у экспертов, но и так ясно: две – навывлет, третья в позвоночнике застряла. Смерть от обширной кровопотери и болевого шока. Спасти было нельзя никак, врачи тоже не боги. С пулями сейчас трассологи и баллистики колдуют, может, этот «ствол» раньше где светился, а то, что ПМ, за это они ручаются, хоть заключение по всей форме только к вечеру будет, позвонят тебе, подтвердят... Свидетели – три бабуси и командировоч-

ный из Минска, он как раз в гостиницу возвращался. Была там пацанва какая-то, но их пока не искали, да и вряд ли нужно: о чем они еще расскажут? Хотя – на твое усмотрение, конечно... Машина стояла у самого подъезда, все свидетели говорят, что «девятка» вишневая, номер никто не запомнил, ну, на такое везение рассчитывать – сам понимаешь... Никто к той машине особо и не присматривался, стоит и стоит. Одна из бабусь понаблюдательнее оказалась, сказала, что подъехала та машина минут за десять, как звать бабуся – не помню, – уточни в райотделе и расспроси. Асфальт сухой, следов протекторов нет, и ищи ее теперь по Москве, ту «девятку»... – Орлов безнадежно махнул рукой. – Да что я тебя учу, сам не маленький.

– Минут за десять, значит, – задумчиво проговорил Гуров. – Три пули в живот, по газам, и мы быстренько сматываем удочки. А ведь это, похоже, «заказуха», Петр.

– Мне тоже так думается. Но ведь не бизнесмен же он был, не журналист модный. Не звезда эстрады, не политик, не «авторитет». Кому мог помешать, а главное – чем?

– Ты у него дома бывал, знаешь вдову, и она тебя знает, а после слов покойного мужа на тебя же и надеется. Звони ей прямо сейчас, понимаю – тяжело человеку, но время не вернешь потом. Надо скорее, сам знаешь, остынет, так не наverkaем. Скажи, что я подъеду вот-вот, пусть хоть немного подготовится. Ей ведь тоже, чем с ума от горя сходить, лучше чем-то конкретным заняться, вот прямо сейчас нам по-

могать и начнет. Где он работал, ты знаешь?

– Он биолог был. Академический институт, знаю, что совсем рядом с домом, но это тебе Любовь Александровна скажет. А позвонить... – Генерал пододвинул к себе телефон и быстро набрал номер. – Любовь Александровна? Люба, это Петр Орлов. Я знаю уже... Люба, мы их найдем, я тебе слово офицера даю. – Он помолчал, хмуря брови и слушая голос в трубке. – Люба, сейчас к тебе Лев Гуров подъедет из нашего главка. Я в Москве лучшего сыщика не знаю, и он – мой ученик и друг. Я понимаю, как тебе сейчас больно. Но... Люба, Александра не воротишь, а, чтобы нелюдь эту изловить, нам сейчас каждая минута на вес золота. И ведь не просто же так он про меня вспомнил? Помоги нам, Люба, и держись. Если я нужен буду – звони в любое время. – Орлов положил трубку, достал из кармана носовой платок и вытер промокший лоб. – Езжай, Лев. Истерик и обмороков не будет. Не та порода.

– Подожди, Петр. Как думаешь, Станислава сразу подключать или мне в одиночку начинать?

– Он твой заместитель или мой? – с прорвавшимся раздражением буркнул Орлов. – Твой, ты и решай! Все равно ведь «подключишь», – передразнил он Гурова, – вы же всегда вдвоем, как попугай-неразлучники. Что у вас с текучкой, много висит или как?

– Или как... По маньяку в Измайловском парке все готово, эта скотина в камере и вот-вот расколется, а нет – и не

надо, для суда материала за глаза хватит. По краже из Пушкинского музея – знаем, кто, и знаем, где этих ценителей живописи брать, там пусть наша смена подсуетится. Тем более картины уже у нас и ничего шедеврам не угрожает. Станислав как раз бумажками по этому делу занимается. Поймать – это что! Отчитаться еще же надо! – Он иронично посмотрел на генерала. – Решено! Копать будем вдвоем. Я тебя попрошу – как он появится, введи его в курс дела, вот как меня, чтобы время не терять.

– А что это господин полковник Крячко сегодня службой манкирует? – недовольно хмыкнул Орлов.

– Он еще вчера предупредил, что с утра к знакомому автомеханику собирался, тачку свою окаянную в очередной раз чинить и до кондиции доводить. А так как на все оперативно-розыскные мероприятия, – эти слова Лев произнес непередаваемо противным голосом, – Стас исключительно на этом автомобильном недоразумении выезжает – то вроде как по делам службы отсутствует. Ты, Петр, приказ по главку издай и запрети Крячко позорить честь офицера милиции этим рыдваном.

«Мерседес» Станислава Крячко был такой же неременной темой дружеских подначек в управлении, как и гуровская любовь к пельменям. Стас упорно не хотел расставаться с этим престарелым образчиком немецкого автомобилестроения и пересесть на что-нибудь, не столь перманентно разваливающееся. Он утверждал, что сроднился душой с желез-

ным другом и тот в трудную минуту его, Крячко, не выдаст. Самое интересное заключалось в том, что в трудные минуты, в каких у Крячко и Гурова недостатка не было, Стасова колымага и впрямь не подводила, и показывал на ней полковник Крячко такой класс вождения, что Гуров откровенно завидовал другу.

– Ладно, к исполнению принял, – первый раз за все время разговора улыбнулся Орлов. – Вот адрес, знаешь, где 2-й Ботанический? Чуть не доезжая Ботсада, от гостиницы «Колос» вправо. Будешь служебную вызывать или на своей?

– Я на колесах сегодня, зачем время терять. Бензин оплатишь, – усмехнулся Гуров. – Пожелай удачи. Станиславу передай, пожалуйста, чтобы сидел в управлении и звонка ждал, а если что новое по делу всплывет, пусть мне на сотовый.

– Ты, Гуров, меня совсем уж за порученца при собственной особе почитать начинаешь: «То – сделай, это – передай...» Погонями с тобой, что ли, поменяться, так ведь не захочешь. – Генерал встал, похлопал Гурова по плечу и крепко пожал ему руку. – Удачи, сыщик!

Гуров вышел из генеральского кабинета, рассеянно, мимоходом кивнув Верочке и на невысказанный ее вопрос отделившись: «Ничего, Веруня, постараемся начальству настроение поправить!» – двинулся к себе, здороваясь с коллегами. Станислава еще не было, хотя время подходило к одиннадцати. «Вот ведь авторазгильдяй, прости господи, – беззлобно подумал Гуров. – Хотя все едино – пока пахота

моя. Сейчас к вдове, а там – тем более рядом – в цитадель академической науки. Посмотрим, чем покойный Александр Иосифович жил и дышал на работе. Итак, что мы имеем с гуся, Лев Иванович? Негусто мы с него пока имеем... Но на „заказуху“ похоже: ведь не ждала его практически эта сволочь, приехал, завалил и тут же смылся. Ай, как плохо – ни мотива, ни-че-го, пока на заказчика не выйдем. А выйти на него... Семь пар казенных сапог стопчешь, если не повезет. Ладно. Чего тут думать, не о чем пока, трясти надо, как в том анекдоте про обезьяну и полицейского».

Уже перед самым уходом Гуров связался с управлением ГИБДД и попросил, чтобы ему подготовили сводку по всем угонам, авариям, ДТП и прочему, в которых бы фигурировала вишневая «девятка». Если вдруг выяснится, что машину недавно угнали и она в розыске, появится еще один хрестоматийный признак заказного убийства.

Глава 2

Андрей Алаторцев медленно и осторожно подкрутил винт вертикальной настройки мощной цейссовской бинокулярной лупы и, внимательно глядя в объективы, добиваясь наибольшей резкости изображения, левой рукой немного изменил угол светового пучка, падающего на рассматриваемый образец. При многократном увеличении кусок растительной ткани, лежащий на черной, бархатистой, не отражающей света поверхности, выглядел очень красиво. По форме кусок этот напоминал небрежно слепленный снежок, но переливался и слегка мерцал оттенками теплого желтого цвета. Целая снежная гора, пещеры и гроты которой отдавали насыщенной голубизной, а верхнюю часть пересекали нежно-зеленые нити, в немногих местах сплетавшиеся небольшими клубками. А справа, как на настоящем заснеженном склоне, проступали сквозь желтизну темно-бурые спины «валунов». Алаторцев вздохнул и снова чуть передвинул осветитель, в который раз резко изменив вид объекта. Ему хотелось изо всех сил треснуть кулаком по накрывавшему лабораторный стол листу гладкого пластика. Ничего не получалось. Время было дорого, как никогда, а препарат за препаратом давал сходную картину: участки некроза, те самые «валуны» и, что еще хуже, зоны вторичной дифференциации. Он разочарованно покачал головой, отключил подсветку и, ловко подце-

пив кусочек ткани пинцетом, выбросил его в стоящий под столом пластмассовый контейнер с опускающейся крышкой. В контейнере уже лежало около полусотни похожих образцов.

Затем Андрей вышел из посевного бокса, аккуратно, как и все, что он делал, закрыв за собой тяжелую дверь; раздался тихий шлепок дверного уплотнителя. Крохотная кабинка предбоксника, освещенная тусклой сорокаватткой, герметично отделялась от бокса. Алаторцев отключил свет в боксе, щелкнув тумблером на щитке около двери, и несколько раз вымученно улыбнулся, стараясь поймать выражение лица, которое сейчас увидят его коллеги. Незачем показывать кому бы то ни было свое огорчение и растерянность. «Хотя сегодня, – подумал он, – сегодня вся эта маскировка эмоций ни к чему. Как раз наоборот, мина у меня должна быть максимально похоронная. Весь день в боксе не просидишь... Правда, Мариамку не проведешь, чует меня, сучка... Хорошо, хоть мысли читать не научилась!» Андрей Алаторцев поправил халат и вышел в помещение лаборатории, где работал уже шестнадцатый год.

Просторная и высокая комната, заставленная лабораторными столами, аппаратурой, шкафами с реактивами, двумя ферментерами и двумя тихонько журчащими мойками, была залита ярким сентябрьским солнцем. Отраженный от блестящего стеклянного цилиндра бидистиллятора лучик кольнул Андрея в глаз, заставив досадливо поморщиться. Моло-

дая красивая темноволосая женщина в белом халате с вышитой на нагрудном кармане стилизованной красной буквой М, стоявшая у вытяжного шкафа, резко обернулась на звук закрывшейся двери предбоксника и быстро, почти бегом, пошла к Алаторцеву.

– Андрюша, ведь ты за старшего, ведь ужас какой! Что делать-то? Деда убили, все ребята с ума сходят, а ты три часа в боксе просидел, ну нельзя же...

– Мариам, успокойся и возьми себя в руки, – ровным и тихим голосом перебил ее Алаторцев. – Только истерик нам не хватало. Я тоже как дубиной ударенный, никак весь этот кошмар в голове не укладывается. Но лекарство от всех напастей и ужасов знаю одно. – работу. Мы с тобой не первый год знакомы, и для тебя это не новость. А про лекарство от всех бед, это ведь Дедовы слова, не запомнила?

– Алаторцев, мне кажется иногда, что у тебя вместо сердца – насос перистальтический, надежный и безотказный! – Ее темно-карие глаза сверкнули слезами. – Ты человек или компьютер бездушный? Александра Иосифовича у-би-ли, до тебя что, не дойдет никак?

– Знаешь, Мариам, я уверен – там, внизу, в вестибюле, уже наверняка Дедов портрет висит с траурной ленточкой в углу. Володин подсуетился, это он, отдадим должное, умеет, – голос Алаторцева оставался таким же ровным и бесцветным. – Давай, чем меня в бездушии упрекать, спустимся туда вдвоем, а то и всей лабораторией, на колени встанем,

возрыдаем и начнем головами об пол стучать. Деду не поможем, но самим полегчает, а? Как считаешь? – после короткой паузы Алаторцев продолжил: – Вон, в медшкафчике валерьянка есть и пустырник: накапай и выпей. Или, еще лучше, подойди к моему лабораторному столу, там в тумбе колба с «несмеяновкой», кубов триста оставалось, плесни себе, сколько нужно, и – залпом.

Глаза женщины потухли, плечи поникли. Она тяжело опустилась на высокий лабораторный стул и прерывисто вздохнула.

– Андрюша, может быть, к Любове Александровне пойти, а? Может, ей помощь нужна, может, посидеть рядом просто?

– Я не пойду, сегодня по крайней мере. И тебе не советую. Думаю, что психологически ей сейчас лучше побыть одной, – Алаторцев пододвинул стул и присел рядом. – А что до помощи с похоронами и прочее – Дед все-таки не из незаметных тружеников науки. На то АХЧ отделения академии есть, эти ребята опытные, тактичные и все устроят как надо. От лаборатории – венки, поняла, не общий, институтский, а от лаборатории. Найди Вацлава Васильевича, пусть посчитает, по сколько скидываться будем, и организует. Да! После поминок надо будет Деда здесь, своим коллективом помянуть, пусть это тоже на Вацлаве. Водку не брать – дорого и неизвестно, что за пакость подсунут. Посмотрите с ним, сколько у нас в сейфе «казенки» осталось, если мало – займите у Южакова или... ну, займите, словом. Пусть Вацлав озадачится,

на то он и старший лаборант. А с Любовью Александровной раньше похорон встречаться, считаю, не следует. Тем более она наверняка Павла из Питера вызвала, может, и Валентина из Штатов успеет до похорон прилететь. Вот они с ней и побудут. Пойми, одно дело – родные люди, дети, и совсем другое – мы, хотя, кто Деду ближе был, это еще вопрос. Потом, когда все уляжется, и зайдем, и поможем, и поговорим. Поняла?

– Ладно, поняла я все, – тускло ответила женщина. – Прав ты, как всегда, прав и логичен... А Любовь Александровна не одна. Это ты у нас такой чуткий и тактичный. У нее милиционер какой-то сидит.

– Откуда такие сведения?

– А он от нее в лабораторию позвонил, ты в боксе сидел, трубку я сняла. Сказал, что, когда поговорит со вдовой убитого, – Мариам явственно передернуло, – хотел бы зайти к нам, поговорить о покойном, о его работе, познакомиться с сотрудниками – мол, все равно рядом. Спросил, удобно ли...

– И что ты ему ответила?

– А что я могла ответить? Сказала, что ждем, объяснила, как лабораторию найти. Дед ведь не в своей кровати тихо умер, она же нам сказала утром по телефону – убили! – Мариам сглотнула и опять зябко поежилась. – Так что никуда мы от визита этого не денемся, лучше уж отмучиться поскорее, чтобы нервы не трепали. Хорошо Деда знали мы с тобой, да разве Вацлав Васильевич еще, вот нам и разговаривать с

представителем власти.

– Откуда он, не спросила? МУР, прокуратура? Или представитель сам представился, извини за невольный каламбур?

– Говорил он, откуда, – Мариам беспомощно улыбнулась, – но я не запомнила. Мне все эти МУРЫ и прочие ФСБ на одно лицо – милиция, и все. А вот как звать, запомнила – простая такая фамилия. Полковник Гуров, Лев Иванович.

* * *

Андрей Алаторцев, как и Лев Гуров, родился и вырос в Москве и тоже за свои тридцать семь лет изрядно поколесил по просторам сначала нерушимого Союза, а позже – свободной России. Конференции, симпозиумы, рабочие совещания, да, наконец, просто командировки, на которые его шеф – Александр Иосифович Ветлугин – скудных средств не жалел никогда, будучи убежден, что настоящий ученый без личного, глаза в глаза, общения с коллегами киснет и вянет. Но в отличие от Гурова Москву Алаторцев не любил. Этот человек вообще не любил никого и ничего, делая исключение лишь для собственной персоны. Зато уж в этом случае любовь была воистину безгранична...

Психология, а тем более педагогика в наше время науками в истинном значении этого слова не являются и в обозримом будущем вряд ли ими станут, оставаясь странноватой смесью из озарений отдельных гениев, самого низкопроб-

ного шаманства и набора практических рекомендаций, ничем, по большому счету, не отличающихся от инструкции по эксплуатации электромясорубки. Поэтому и прогностическая ценность аксиом и «законов», этими «науками» трактуемых, невелика. Но встречаются иногда случаи, как будто специально призванные хрестоматийно проиллюстрировать декларируемые жрецами педагогики и психологии откровения. Жизнь Андрея Алаторцева как раз и была такой яркой иллюстрацией. Издавна, а в прошлом столетии в особенности часто, детские психологи и педагоги с пеной у рта кричали, что у единственного ребенка в семье, тем более если родители – люди не первой молодости, есть все шансы вырасти махровым эгоистом и черствым, самовлюбленным сухарем. Когда дело доходило до конкретных примеров, специалисты могли попасть пальцем в небо или, напротив, предсказать характер личности такого ребенка более или менее точно – все в пределах статистического разброса. Но с Алаторцевым, если кто-то захотел бы в свое время подобное печальное предсказание сделать, попадание было бы в «десятку».

Его родители встретились поздно, уже вполне сложившимися, зрелыми людьми, что вовсе не помешало им глубоко и искренне любить друг друга. Они очень хотели ребенка, но решились на это не сразу. Дело в том, что у матери Андрея был порок сердца, и исход беременности и родов представлялся врачам весьма сомнительным. Проще говоря, роженица вполне могла умереть, и супругам Алаторцевым это было

прекрасно известно. Однако мать Андрея проявила редкостную настойчивость и силу характера, смогла убедить мужа пойти на риск и в тридцать шесть лет родила долгожданного первенца. Но надеяться на повторение этого события счастливым родителям не приходилось: приговор медиков был однозначен и категоричен – еще одной беременности большое сердце женщины не перенесет, Алаторцева умрет, не дотянув до родов. Маленький Андрюша стал кумиром и деспотом семьи, родители ни на минуту не забывали, какого риска, каких мук, душевных и физических, стоил им их мальчик. Любое его желание быстро приобрело силу закона, а семья жила достаточно зажиточно, чтобы исполнять прихоти маленького центра вселенной. Его мать тогда была старшим преподавателем кафедры общей ботаники МГУ, а отец, Андрей Николаевич, – «широко известным в узких кругах» физиком-ядерщиком. Конечно, ни в ясли, ни в детский сад Андрей не ходил ни дня. Ольга Петровна Алаторцева, которую искренне любили студенты и коллеги, более чем на десять лет рассталась со своей работой ради сына. Андрей привык, что этот мир вращается вокруг него и по его законам.

К семи годам он прекрасно читал и писал, неплохо знал историю и географию и, по общему мнению, по уровню развития вполне соответствовал третьему-четвертому классу. Правда, музыка, для обучения которой было куплено старинное, но в превосходном состоянии пианино, у мальчика не пошла – все усилия Ольги Петровны, находившей все но-

вых учителей, разбивались о полное отсутствие у обучающегося даже намеков на музыкальный слух. Кончилась эта музыкальная пытка тем, что шестилетний Андрюшенька, отлично понявший свое положение в семье, порубил ненавистный инструмент туристским топориком...

Андрей пошел сразу во второй класс элитной школы с углубленным изучением двух иностранных языков – английского и немецкого. Ольга Алаторцева была очень рада, что у ее ребенка появляется годовая фора для поступления в вуз, в самом крайнем случае – при провале на вступительных, во что, конечно, не верилось, – армия не висела над Андреем так фатально, как над его одноклассниками. Мысли об армии были черным кошмаром для родителей Андрея. Чтобы их сына, такого умного, тонкого и интеллигентного мальчика, давшего им столь тяжело и обещавшего в будущем столь много, и... в эту мерзость?! Ни-ко-гда! Бесспорно, Алаторцевых можно было понять – как раз под окончание Андреем школы началась позорная афганская авантюра, а образ «несокрушимой и легендарной», «школы мужества, которую должен пройти каждый юноша», был похоронен задолго до этого, как и прочее пропагандистское мочало. Но Андрей, одаренный от природы точным и четким аналитическим умом и слышавший разговоры на эту тему лет с десяти, сделал для себя несколько неожиданный, но вполне непротиворечивый вывод. «Кто-то пойдет служить, но я не пойду в любом случае. А кто же пойдет? Они, – рассуждал он сам с

собой. – Значит, есть и они – быдло, скот, который не заслуживает ничего другого. Об этом лучше помалкивать, но забывать не стоит!» В дальнейшем эта философская максима Андрея Алаторцева смягчалась, видоизменялась, обрастала аргументами и контраргументами, оговорками и дополнениями, но в стержневой основе своей оставалась прежней.

Учился он легко, первые два года вообще никаких усилий не прикладывая, – сказывался домашний багаж. Но вот отношения с одноклассниками не складывались. Дети – жестокие создания, они, особенно в самом нежном возрасте, не терпят отклонений от среднего уровня ни в чем и мстят тем, кто как-то выделяется из их массы – безразлично, в какую сторону. Элитный характер школы несколько смягчал эту железную закономерность, «принцем» был не только Андрей, но едва ли не каждый из его одноклассников, что, конечно, в полной мере относилось и к девочкам. Сказывался и год разницы – в семилетнем возрасте это очень много! Андрею приходилось тяжело, у него не было друзей, он считался «воображалой, ябедой и задавакой», и в первые два-три года школьной жизни его частенько поколачивали. К счастью, у его родителей хватило ума не вмешиваться в мальчишеские разборки. Но маленький Алаторцев и из этой печальной для себя ситуации сделал далеко идущие выводы, навсегда определившие его отношение к жизни и людям. Да, это была логика ребенка, но это была логика! «Ведь я такой хороший, – размышлял маленький Андрей, очередной раз

получив взбучку от стайки одноклассников, – почему же они делают мне плохо? Они завидуют мне, они не любят меня, значит, они – гадкие, они – плохие. Значит, и я их всех не люблю. Есть только я и они... А мама с папой? Говорят, что любят меня, но не могут или не хотят помочь... Что же получается, родители – тоже „они“? Не знаю, но мама с папой – не я, это точно».

Природа одарила Алаторцева не только острым, резким умом и прекрасной памятью, но и высокой степенью приспособляемости, тем, что на заумном языке профессионалов называется конформизмом. Андрей быстро понял, что нужно казаться таким, как все, как «они», и вскоре у него прекрасно стало это получаться. Но внутри, про себя, он ни минуты не считал, что равен глубоко презираемым «им». У Алаторцева стали появляться приятели, некоторые из которых даже считали его своим другом. Много ли надо для школьной мальчишеской дружбы? Андрей был весел и независим в суждениях, остроумен, а зачастую и язвителен, прекрасно физически развит и всегда по последней молодежной моде одет, а это так много значит в двенадцать-пятнадцать лет! Все мы в этом возрасте немного Печорины... Мать его к тому времени вернулась на работу, Алаторцев-старший получил крупную премию за участие в очередном сверхсекретном проекте на голову «благодарного человечества», и деньги, по нашим меркам очень немалые, в семье были. А значит, и у любимого сына были самый современный кассетник

фирмы «Грюндиг», самые лучшие и престижные кассеты и заграничные диски, динакордовская электрогитара, на коей он освоил бессмертный «блатной квадрат», словом, все то, что и составляет смысл жизни подростка.

К тому же была возможность смотреть самые нашумевшие премьеры в московских театрах и посещать закрытые просмотры западных лент в Доме кино. Очень сильное впечатление произвел на Андрея «Заводной апельсин» Стенли Кубрика, тем более английский он знал в совершенстве уже к четырнадцати годам и от ублюдочного дубляжа не зависел. Андрей отождествлял себя с Алексом. «Да! Только так и надо! – говорил он себе после этого фильма. – Есть я, и есть жалкие они, а больше ничего в мире нет. А финал... Ну, что финал? Надо быть умнее и осторожнее, тогда все будет по-другому. По-моему. И не надо, чтобы они догадывались, кто я на самом деле. До поры, до времени...»

Одним из самых близких друзей Андрея Алаторцева стал Сережа Переверзев, получивший в классе кличку Верзила и очень ею гордившийся. Трудно было найти настолько разных людей, как эти двое...

Глава 3

Дверь квартиры номер 15 открылась после звонка Гурова почти сразу, как будто женщина, стоящая на пороге, давно ждала его.

– Здравствуйте, вы – Любовь Александровна? Я – полковник Гуров, из управления. Петр Николаевич звонил вам недавно. – Слова давались Льву с трудом, особенно «здравствуйте», резанувшее своей неуместностью. Необходимость встречаться с людьми, только что получившими страшный, калечащий жизнь удар, расспрашивать их по горячим следам была одной из самых тяжелых сторон оперативной работы. Гуров никогда не смог бы забыть, как лет пятнадцать назад ему пришлось расспрашивать обезумевшую от горя мать зверски изнасилованной и убитой восьмилетней девочки... Тогда они со Станиславом взяли насильника и выродок получил по заслугам, но Гуров помнил, что, идя двумя днями позже встречи с матерью погибшего ребенка на смертельный риск, на «ствол» в руках маньяка, он был куда спокойнее и увереннее, чем когда смотрел в мертвые глаза женщины...

– Здравствуйте. Проходите. – Высокая стройная женщина, одетая в строгий темно-синий костюм и белую блузку с наглухо застегнутым воротником, пропустила Гурова в просторную прихожую, захлопнула дверь и повернулась к нему лицом. – Как вас зовут?

Ей было на вид лет пятьдесят с небольшим, хотя Гуров уже узнал, что вдова и убитый ученый были ровесниками, значит, ей шестьдесят четыре года. Коротко остриженные и тщательно причесанные, чуть тронутые сединой темно-русые волосы, лицо бледное, спокойное, но какое-то застывшее. Никаких следов косметики. Серо-зеленые, большие припухшие глаза женщины смотрели на него, но, казалось, ничего не видели. «Не спала всю ночь ни минуты и много плакала, – понял Гуров, – а сейчас держится на характере и силе воли. Не соврал Петр, не будет тут истерик».

– Лев Иванович, если вам удобнее – просто Лев. Где мы можем поговорить, Любовь Александровна?

– Давайте в кабинете у Саши... – Она сглотнула мешающий ей комок в горле. – У Александра Иосифовича. Там и телефон, если вам нужно будет кому-то позвонить. А я жду звонка от детей. Павлик, наш старший, знает уже, – она опять судорожно, тяжело сглотнула, – он сказал, что сам Валюше в Сиэтл позвонит. Не снимайте ботинки, Лев, не надо.

Они прошли по короткому коридору. Перед раскрытой дверью комнаты лежала громадная черная собака. Подняв голову, она посмотрела на Гурова пристальным, тоскливым, совсем человеческим взглядом и тихо, на очень низких нотах зарычала.

– Спокойно, Черч. Это свой. – Женщина нагнулась и потрепала шею пса. – Заходите, Лев. Присаживайтесь, пожалуйста. Там, на столике, пепельница, если хотите, можете ку-

ритель. – Она села в кресло у небольшого полированного журнального столика и пододвинула к себе открытую пачку сигарет. – Я закурю.

«Вот и еще один свидетель, – Гуров посмотрел на собаку. – Жаль, что говорить не умеет, хотя что бы он мне важного такого рассказал... А сигареты, идиот беспамятный, я опять купить не удосужился». Он сел в кресло напротив и быстро окинул взглядом кабинет покойного Александра Ветлугина. Несколько громадных антикварного вида книжных шкафов и навесных полок, забитых книгами. Большой, явно старинный, письменный стол и рядом стол поменьше, с телефоном, мощным компьютером и принтером. Застеленная пестрым пледом кушетка в углу. Над столом – фотография в рамке, хитро улыбающийся толстяк с острыми глазами и сигарой в углу рта.

– Уинстон Черчилль, – женщина проследила направление его взгляда. – Саша считал его самым выдающимся политиком прошлого века и вообще восхищался этим человеком. Собаку вот в его честь назвал... – Она горько усмехнулась. – А на лежанке этой любил отдыхать во время работы, он очень много работал дома. – Достав сигарету, женщина щелкнула зажигалкой и глубоко затянулась. – Вы, вот что, Лев... Иванович. Спрашивайте обо всем, что вас интересует, а то у меня мысли сейчас вразброд. Я крепкая, выдержу.

– Любовь Александровна, прежде всего – что точно он успел вам сказать? Как вообще это было, как вы оказались

там?

– Саша только-только вышел с Черчем. Я была на кухне, пила кофе, тут – звонок в дверь. Открыла, там такая растрепанная пожилая женщина, по-моему, со второго этажа. Глаза дикие совершенно. Я сразу поняла – что-то страшное случилось. Что она кричала, дословно не помню, и как внизу оказалась – тоже. Там Саша, весь в крови, его кто-то, по-моему, мужчина, поддерживает, приподнять пытается. Он меня узнал, в глазах – такая мука... А слова его до самой смерти не забуду, он умирал уже совсем. – У нее задергалось правое веко, голос стал тоньше. – Он хрипел: «Люба! Люба, больно! Люба, это все! Наркотик, это наркотик... Петру скажите!» Потом «Скорая» подъехала, но он мертвый был уже, дальше милиция и из прокуратуры кто-то. Я еще Черча держала, он никого к Саше подпускать не хотел. Я им рассказала все, вот то же, что вам сейчас. Потом увезли Сашу, – чуть задрожавшими пальцами она достала из пачки еще одну сигарету, но не закурила ее, а положила рядом с пепельницей, – я с Черчем сюда вернулась. Часа два затем вообще – как из жизни выпали, ничего не помню. Ночью, после двенадцати уже, позвонила Павлу в Ленинград. Сообщила...

– Скажите, а когда-нибудь раньше он говорил что-то о наркотиках? Может быть, мимоходом, к слову, в разговоре на совсем другие темы, вскользь?

– Н-нет... Не припомню что-то, – после недолгого молчания отозвалась сидящая напротив Гурова женщина. – А от-

носился к этой мерзости, как и всякий нормальный человек, то есть с омерзением.

– Хорошо, а почему вы решили, что Петр – это генерал Орлов? У мужа, у вас много знакомых с таким именем?

– Почему – не знаю, но абсолютно уверена, что права. Мы с Сашей прожили вместе почти сорок лет, тут уже без слов человека понимаешь, а в такие секунды, как вчера, все это обостряется... Нет, это Саша про Петра Николаевича, точно. А знакомые... Дайте подумать, – она с минуту молчала. – Аристархов из Киева, еще Валюшиного мужа так зовут и сына тоже, но они в Штатах уже третий год. Еще в лаборатории у Саши есть такой мальчик, Петя Сонин, младший научный, но он бы и сказал «Петя». А что, вы считаете...

– Любовь Александровна, – мягко перебил ее Гуров, – вы почти наверняка правы, и Петр – это Петр Николаевич Орлов. Но я пока настолько мало знаю, что мне важно все, любая зацепка, даже ее тень. Вот еще один важный вопрос: ваш муж был пунктуальным человеком?

– Да, Саша очень любил порядок и точность, – не задумываясь, ответила вдова, – говорил, что со временем надо быть на «вы», этот самый страшный из тиранов фамиллярности не прощает. Как он меня когда-то в молодости ругал за пятиминутное опоздание! Отучил постепенно. Но при чем тут это?

– При том, что убийца знал, во сколько Александр Иосифович выйдет с собакой из подъезда, – Гуров помолчал

немного, – он ждал не больше десяти минут. У вас было принято всегда выгуливать Черча в девять вечера?

– Да, в девять и утром в семь часов. Черч у нас десятый год, и каждый день, если не на даче... Когда Саша не мог, уезжал куда, то я с ним гуляла, а когда Валюша с нами жила, она. – Взгляд женщины остановился на лежащем около двери комнаты ротвейлере. – А вот сегодня никуда он утром со мной не пошел, так и лежит тут со вчерашнего. И не ест, – тихо добавила она.

– Как вы думаете, кто мог знать о таком вашем распорядке? Люди, которые часто бывали у вас дома?

– Конечно. Но не только, это же не государственная тайна. Соседи, весь двор, наконец, – в ее голосе Гуров услышал чуть заметные нотки иронии. – Кто угодно мог подсесть на лавочку к нашим пенсионеркам и так, между прочим, расспросить, во сколько академик с четвертого этажа гуляет со своей собакой. Я не права?

– То-то и беда, что правы, – кивнул Гуров, подумав, что все равно возьмет эту тему на заметку: его инстинкт сыщика, то самое необъяснимое «чутье» подсказывало ему важность почти минутного совпадения начала этой злосчастной прогулки и появления машины убийцы во дворе дома по 2-му Ботаническому переулку. – Скажите, за последнее время никто не угрожал вашему мужу или вам? Звонки, может быть, анонимные письма? И вообще, не случалось ли чего-нибудь необычного, странного, такого, чтобы «из колеи»?

– Нет, ничего подобного не припоминается, – помолчав немного, ответила она. – Если только Саша не сказал, но мне в это слабо верится. От меня он ничего скрывать не стал бы.

– Были у вашего мужа враги, Любовь Александровна?

– Таких, что пошли бы на убийство, не было. А недоброжелателей и мелких пакостников хватало в достатке. Саша ведь был человек прямой, компромиссы не любил, а компромиссов с совестью не признавал в принципе. А наука, если изнутри посмотреть, – это смесь коммунальной кухни и феодальной грызни, война всех против всех. И не думайте, что только у нас, в России, всюду так, – Любовь Александровна печально посмотрела на Гурова. – Докторантов его топили, это было, на выборах в действительные члены академии прокатали в позапрошлом году, внутреннюю рецензию на последнюю Сашину монографию такую написал некто, что впору на забор, а не в академическое издательство. Он, шутки ради, молодежный сленг иногда употреблял и не раз говорил мне, что ему все это тьявканье из подворотни, как это... по барабану, лишь бы работать не мешали. Но чтоб убить...

«Все так, – думал Гуров, механически кивая в ответ, – но чего-то ты, уважаемая, не знаешь или не разглядела. Не по ошибке же твоего мужа угробили. Не верю я в такие ошибки, даже в наше сумасшедшее время. Это ведь не обкуренные шакалята с арматурой, тут точно – никто не застрахован. А мы имеем почти наверняка „заказуху“, пропади она пропадом. Значит, и заказчик есть. Но кто и почему?»

– А вы не замечали, не было ли у Александра Иосифовича в последнее время резких перемен в настроении? Может быть, печальным стал или раздраженным. Или, наоборот, чем-то обрадованным выглядел?

Женщина посмотрела на Гурова долгим, пристальным взглядом. Помолчала. Снова покрутила отложенную сигарету и опять не стала закуривать.

– В последнее время – не было. А вот позавчера – было. Он с работы сам не свой вернулся, и вчера утром, в день, когда его убили, уходил в институт, как в воду опущенный. Но сразу вам говорю, Лев, я не знаю, почему. Он мне не сказал, а я не спрашивала. Саша был человек гордый, настоящий мужчина, он свои заботы на чужие, даже на мои, плечи отродясь не перекладывал. Но еще раз: мы с ним прожили вместе почти сорок лет, мы очень родные люди, часто слова не нужны, и я знаю: у него случилось что-то очень нехорошее, вы мне поверьте.

«Та-ак, уже теплее, – подумал Гуров, – а верить я тебе, конечно, верю. Я и сам перед Марией особо сопли не распускаю и, когда на службе дела погано идут, ей не распинаюсь, а как понимает все! А уж сорок-то лет вместе прожив...»

– Как считаете, это «что-то очень нехорошее» на работе случилось? Не мог он, скажем, из-за результатов последнего думского голосования расстроиться?

– Саша абсолютно аполитичен, – она презрительно хмыкнула, – а голосовальщиков этих считал сворой жуликов и ду-

раков.

«И в этом совершенно прав», – подумал Лев.

– В его жизни, – продолжала Любовь Александровна, – была работа, я и наши дети. Со мной и с детьми все было в порядке, – и тихо добавила: – До вчерашнего вечера.

– Спасибо, Любовь Александровна! То, что вы рассказали, мне очень важно. Скажите, а чем он все же занимался? Я ведь даже не знаю названия института, где он работал, знаю только, что где-то совсем рядом с вашим домом. Ведь муж говорил с вами о работе, о своей науке, верно?

– Институт растительной клетки, ИРК, – несколько растерянно ответила вдова. – И рассказывал он мне немало, но... – Любовь Александровна пожала плечами, – я ведь историк, медиевист, а вы юрист, правильно? И что у нас получится, если историк начнет рассказывать юристу о физиологии растительной клетки? Испорченный телефон, не более... Вам, Лев Иванович, лучше об этом с его сотрудниками, учениками его поговорить.

«Вот спасибо, в юристы произвели, а то все ментяра, опер, сыщик, скорохват, – усмехнулся Гуров про себя, – но права ведь она. Хорошо, порасспрашиваем о сотрудниках и учениках».

– И впрямь, Любовь Александровна, о науке я лучше поговорю с коллегами вашего мужа. А вот о самих коллегах хотелось бы с вами. Наверное, вы неплохо знаете людей, окружавших Александра Иосифовича; кто-то и дома у вас бывал,

так ведь? Мне важно ваше мнение об этих людях. Кто из них был ему наиболее близок? Тем более я прямо от вас собираюсь зайти в институт, посоветуйте – с кем в первую очередь встретиться, кого расспросить, как себя с ними вести, наконец, а то мне нечасто с учеными сталкиваться приходится.

– Сказать, что хорошо знаю Сашино окружение, это было бы самонадеянно, – Любовь Александровна ответила не сразу, – могу лишь заметить, что случайные в науке люди рядом с Сашей не задерживались, он тружеников любил и увлеченных. И они его любили тоже, – она робко, одними уголками губ улыбнулась. – Его в лаборатории Дедом звали и за глаза и в глаза. У нас дома, конечно, многие бывали, чуть ли не все, я им на юбилей Сашин та-акой прием устроила, – она прикрыла глаза, вспоминая. – Ребята стенгазету принесли юбилейную «Деду – шестьдесят!», она у Саши до сих пор где-то хранится. А чаще всего, пожалуй, двое, – Андрюша Алаторцев и Маша Кайгулова. Вы с ними, Лев Иванович, и поговорите. Андрей Андреевич должен вот-вот докторскую защищать, Александр Иосифович его себе на смену готовил, говорил, что, когда станет трудно воз тащить, останется консультантом, а Андрюшу – в завлабы. К Маше, она Мариам вообще-то, из Уфы к нам в МГУ перевелась еще на третьем или четвертом курсе, он по-особому относился, как к дочке прямо... Опекал, оберегал – она тонкий человечек, ранимый... Нашу Валентину, дочку младшую, не больно-то попекаешь, – вдова снова попыталась улыбнуться, – сама кого

хочешь «опечет».

«Так, что у нас в сухом остатке почти полуторачасового разговора? – спросил себя Гуров. – Прекрасный человек, которого окружали прекрасные же люди; идиллия прямо... если бы не полученные прекрасным человеком три пули! Два важных момента: про время прогулки знали наверняка, раз он такой пунктуальный, и резкое ухудшение настроения. Что же вы, Александр Иосифович, с женой-то не поделились, как бы полковнику Гурову работать легче стало, а глядишь, и вообще бы не пришлось...»

– Спасибо вам, Любовь Александровна, вы действительно мне очень помогли. Я прямо сейчас от вас созвонюсь с лабораторией, надо предупредить людей, что подойду, хорошо? – Гуров достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку. – Номер продиктуйте мне, пожалуйста, и как лаборатория называется.

Она называлась лабораторией культуры растительных тканей, это словосочетание Гурову не говорило ровным счетом ничего. Лев подошел к письменному столу, набрал номер. Представившись и быстро договорившись о встрече, он положил трубку, но тут же вспомнил, что уже давно хочет связаться с управлением: Крячко должен уже быть на месте и включиться в работу. Кроме того, Гурову просто хотелось услышать знакомый голос Станислава. Лев психологически устал после разговора с вдовой Ветлугина и надеялся, что никогда не предающийся унынию Крячко даже по телефону

поднимет ему настроение.

Станислав оказался на месте. Он как раз изучал тоненькую пока папочку с материалами дела и звонка ждал с нетерпением – у него были важные новости. Гуровские предположения начали сбываться: по сводке ГИБДД одна из бегящих по столице вишневых «девяток» с половины седьмого вчерашнего вечера числилась в угоне. Угнать ее могли и раньше, с обеденного времени, когда хозяин-растяпа, не удосужившийся поставить самую примитивную противоугонную систему, припарковался на Краснопресненской, около зоопарка, где работал администратором. Пропажу он обнаружил, собираясь возвращаться домой, в Измайлово, и тут же сообщил в милицию. Но не это было самым, по выражению Крячко, «погано-сенсационным»: уже около девяти вечера машина нашлась на улице Тимирязева, около одного из входов в Ботанический сад, с работающим на холостых оборотах мотором и свеженьким трупом на водительском месте. У трупа была начисто оторвана голова, и, как сказал Станислав, «то, что там долбануло и башку вместе с левой кистью у клиента отхреначило», долбануло довольно громко, чем и привлекло внимание мирных влюбленных, проходящих мимо. Лобовое стекло «девятки» вынесло; картина, увиденная парочкой в салоне, вызвала у юноши бурную, неукротимую рвоту, но его подруга оказалась покрепче и милицию вызвала тотчас. Вот и думай, какой из полов в самом деле слабый. Сюрпризы на этом, однако, не кончились. Подъехавшие

через несколько минут сотрудники ППС обнаружили в пиджачном кармане трупа пистолет Макарова. Из ствола «марки» явственно несло свежесгоревшим порохом, а в обойме не хватало трех патронов. Станислав заверил Гурова, что, «если это не наш жмурик и не наш пистолетик», то он, Крячко, готов съесть первый том «Криминалистики» на глазах всего управления, включая генерала Орлова. Лев был убежден, что питаться учебником Станиславу не придется, в такие совпадения он не верил. Конечно, это был убийца Ветлугина. Способ, которым убийцу отправили на тот свет, остался пока неясным; то, что от него осталось, и слегка искалеченная вишневая «девятка» находились в руках экспертов. Гуров попросил Станислава держать дело на контроле, не спускать с него глаз, а главное – постараться выяснить, кому оторвали голову на Тимирязева. На то, что удастся быстро ответить на вопросы, кто, как и почему это сделал, Гуров надеялся не слишком сильно, хотя первый из этих вопросов считал самым важным.

Станислав получил инструкции немедленно звонить Гурову на сотовый, если по делу возникнет что-то новое. Отменять визит в Институт растительной клетки (ИРК) Лев не хотел, надеясь на Станислава. Лев очень мало говорил, отделиваясь междометиями, он не хотел в присутствии вдовы обсуждать что-либо по делу об убийстве ее мужа, это было бы слишком бестактно. Закончив разговор со Станиславом, Гуров повернулся к ней.

– Я очень благодарен вам, Любовь Александровна, за нашу встречу, – он помолчал и продолжил: – Я слышал, что обещал вам Петр Николаевич. Я, как и он, офицер и сделаю все, что смогу. Даю слово чести. Верю, как бы тяжело вам ни было, вы сможете держаться. И еще одна просьба. Не надо никому говорить пока о последних словах Александра Иосифовича. Про наркотик. Вашим детям, когда они придут, можно, но больше – никому. Очень вас прошу. И про то, как настроение его переменялось в эти два дня, тоже. Почему – не спрашивайте, я и сам пока не знаю, но, поверьте моему опыту, это важно. Вот мои телефоны, рабочий и сотовый, – он положил на журнальный столик свою визитку. – Если случится хоть что-нибудь, пусть даже не относящееся к... – Гуров опять помолчал немного, – но необычное, странное, если вам даже просто покажется что-то, звоните немедленно, в любое время. По рабочему телефону трубку может снять полковник Станислав Васильевич Крячко, он мой заместитель и друг, мы работаем вместе. Я желаю вам мужества. И терпения. – Гуров коротко поклонился вставшей из-за столика женщине.

Свой «Пежо» Гуров оставил во дворе ветлугинского дома. Через пять минут он уже подходил к мощному, выдержанному в лучших традициях сталинского ампира четырехэтажному зданию – Институту растительной клетки Российской академии наук. Гуров поглядел на часы, они показывали десять минут третьего.

Глава 4

Ждать пришлось недолго. Гуров только и успел, что прочитать короткий некролог, висящий под большим фотопортретом с черной траурной ленточкой в углу и подписанный «скорбящие коллеги, сотрудники, ученики», и выслушать от пожилого седого вахтера дежурное: «...хороший человек был Сан Осич... что за жизнь пошла... чуть не дома убивают... куда милиция...», как увидел краем глаза быстрое движение чего-то белого на широкой парадной лестнице.

«Чем-то она на бабочку похожа и движется, как бабочка, не идет, а порхает». – Гуров повернулся к стройной, даже худощавой на вид, темноволосой молодой женщине в белом халате, который ей был необыкновенно к лицу.

– Полковник Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД. – Он чувствовал себя немного на «чужой территории», не совсем представлял пока, в каком тоне вести разговор со жрецами науки, и поэтому представился максимально официально, смягчив такую откровенную казенщину улыбкой. – Это я вам по внутреннему сейчас звонил, а недавно – по городскому.

Женщина внимательно, пристально и без улыбки смотрела на Льва большими темно-карими глазами. Она была невысокой, с очень тонкой, как говорится, «осиной» талией и пре-

красной осанкой, но впечатления миниатюрности отнюдь не производила. В разрезе ее глаз, в форме и посадке головы чувствовалось что-то неуловимо «иное», не русское, тревожное, как далекий отблеск огня в ночной степи. Проще говоря, женщина была очень красива.

– Кайгулова, Мариам Салмановна. – Она протянула Гурову узкую ладонь. Пальцы были тонкие, с коротко остриженными ногтями. – Это я с вами говорила сейчас, а недавно – по городскому, – женщина не то специально, не то бессознательно скопировала его последнюю фразу и наконец-то слегка, бледно улыбнулась. – А вы не похожи на милиционера!

– Это я так удачно маскируюсь, – Лев улыбнулся еще шире и осторожно пожал протянутую руку. – А милиционер в вашем представлении в одной руке держит пистолет, в другой наручники, а в зубах резиновую дубинку, да? И из всех карманов этого монстра торчат бланки протоколов?

– Ой, что вы! – Мариам чуть смутилась. – Просто... Мне не приходилось с милицией близко общаться, разве только участкового помню, еще в школе когда училась, в Уфе. Он нашу компанию с берега Белой гонял, боялся, что перетонем, – она как-то недоуменно посмотрела на Гурова. – Господи, да о чем это я? Вы извините, Лев Иванович. Я, как о смерти Деда узнала утром, до сих пор в себя не приду. В лабораторию поднимемся? Это на втором. Вы с кем поговорить-то хотите?

– Вот с вами, в частности, хочу. Так что в лабораторию мы

пока подниматься не будем, это не убежит, зачем людям мешать. Давайте лучше вы мне покажете какой-нибудь тихий, укромный уголок, и мы с вами там немного побеседуем. Я постараюсь долго вам вопросами не надоедать.

– Тогда, – она ненадолго задумалась, – в «светлый дворик». Это вот сюда, по коридору направо. А с ученым секретарем, с директором вы уже говорили?

– Нет, не сподобился пока, – Гуров шел по неярко освещенному коридору за стройной фигуркой в белом халате, – может быть, позже... Мне ведь, Мариам, – Гуров заметил, что она кивнула, как бы подтверждая, что к ней можно обращаться по имени, – важнее с теми поговорить, кто с Александром Иосифовичем каждый день рядом был.

«Светлый дворик» оказался довольно обширным помещением под стеклянной крышей, половинки которой, расчерченные тонкой сеткой арматуры, благодаря какой-то хитрой механике, поднимались почти под прямым углом. Солнечные лучи и свежий сентябрьский воздух свободно вливались в замкнутое четырьмя светло-голубыми кафельными стенами пространство. Пол дворика был уставлен многочисленными кадками, ящиками, корытцами и прочими емкостями с различными экзотическими, никогда раньше Гуровым не виденными растениями. Он с трудом узнал в одном из плодов ананас, а в другом – вошедшую недавно в моду фейхоа. Лев улыбнулся, вспомнив, как неугомонный Крячко, угостив как-то раз его с Марией экзотическими плода-

ми, ехидно приставал к ним с вопросом – как будет называться варенье, из этих плодов сваренное, и как по-русски будет звучать – роща... чего? В самом центре стоял стол для настольного тенниса с туго натянутой сеткой. Два молодых парня, один даже не сняв халата, азартно лупили ракетками по белому шарiku.

– Вы не смотрите, что обед кончился уже, – Мариам перехватила несколько изумленный взгляд Гурова. – Это еще со времен академика Курсанова такая традиция пошла: если устал и есть охота размяться – приходи в любое время сюда и играй. – Она улыбнулась с явной гордостью за такие замечательные традиции и, посмотрев вверх, продолжила: – И крыши такой раздвижной нигде, кроме как у нас, в ИРК не увидите. На зиму или дождь она закрывается; я когда первый раз увидела, так прямо испугалась – ведь такая махина! А мы с вами пошли-ка вон туда, под латанию.

Они подошли к громадной кадуще, из которой поднимался как будто обросший длинными шерстяными нитями ствол пальмы. В тени ее крупных темно-зеленых листьев с причудливо вырезанными краями разместились два легких пластиковых столика и с десятков пластиковых же стульев садово-дачного образца. Рядом с каждым столиком, совершенно не сочетаясь с их легкомысленным видом, стояли две монументальные хромированные плевательницы, при одном взгляде на которые Гуров явственно ощутил тошнотворный зубоврачебный запах эфира и жутковатое жужжание борма-

шины.

– Это тут вместо пепельниц. Впечатляет, да? Если соберетесь с нашим старлабом Вацлавом Васильевичем Твардовским беседовать, – Мариам опять заметила в глазах симпатичного полковника милиции легкую оторопь, – поинтересуйтесь происхождением этой стоматологической роскоши, несколько минут смеха я вам обещаю!

Они присели за один из столиков, Мариам закурила. Гуров в очередной раз мысленно проклял свою забывчивость и то, что безотказного Стаса нет рядом. Разговор завязался и потек как-то очень легко, без натуги. Мариам Кайгулова все больше нравилась Гурову, ее краткие характеристики сотрудников лаборатории были точными и в то же время образными, окрашенными мягким юмором. Гуров не стал доставать блокнот, он полагался на свою в самом деле редкостную память и не хотел нарушать живое течение разговора.

По словам его собеседницы, выходило, что Деда любили в лаборатории все без исключения, а сами сотрудники сплошь люди настолько замечательные, что непонятно было их пребывание в сей юдоли слез, а не в райских кущах. Гуров хорошо знал этот простенький закон прикладной психологии: чем совестливей и добрее, чем попросту лучше человек, тем с большим пониманием и уважением он будет отзываться о других людях, если те не прямые мерзавцы. И обратное, в чем он не раз убеждался, также справедливо. Только об Андрее Андреевиче Алаторцеве, после разговора со

вдовой наиболее интересовавшем Гурова, она рассказывала скомканно, чего-то недоговаривая, и Лев для себя отметил этот момент. Минут через двадцать Мариам, поинтересовавшись, не желает ли господин полковник «чашечку хорошего кофе с очень вкусным домашним коржиком», отлучилась ненадолго и обещанное принесла. За разговором ничего с утра не евший Лев не заметил, как съел сначала свой, а затем и коржик своей vis-a-vis.

Получалось, что и в научном, и в организационном плане дела в лаборатории вообще и у Ветлугина, в частности, шли замечательно и никаких резких ухудшений, равно как и улучшений, настроения шефа она в последнее время не замечала, хотя... да, может быть, вчера он был необычно суховат, немногословен и выглядел не совсем как всегда. Но она думает, что это просто самочувствие виновато – Деду все же седьмой десяток. К этому моменту разговора Гуров явственно осознал, что без хотя бы элементарного понимания самого предмета деятельности покойного Ветлугина и возглавляемой им лаборатории он дальше не продвинется.

– Мариам Салмановна, я вас попрошу кратенько и, по возможности, популярно растолковать мне, чем вы все-таки занимаетесь. Ваши научные и, – он замялся, – производственные, что ли, интересы.

– Если вам это нужно... – она недоуменно развела руками, – но я плохой популяризатор, не знаю даже, как вам объяснить, чтобы понятно было, в нашей области много загадок,

белые пятна сплошные!

– Знаете, есть старая шутка: милиционеры ходят по трое потому, что один умеет читать, второй – считать до десяти, а третьему приятна компания высокообразованных людей, – сыщик широко улыбнулся. – Но я все же не сержант ППС, – он заметил выражение непонимания на лице Кайгуловой, – это патрульно-постовая служба, а в нашей конторе полных дебилов не держат. Вы попробуйте, а я, если совсем тонуть буду, то закричу «караул!».

Кайгулова тряхнула головой и необыкновенно обаятельно улыбнулась в ответ.

– Ну, хорошо! Что вы знаете о биотехнологии, Лев Иванович?

– Да так, что на слуху: овечка Долли, трансгенные картошка с соей, которыми нас американцы то ли травят, то ли совсем наоборот, гербалайфы разные, – ответил Гуров после минутной паузы. – То, что по ящику показывают, желтая пресса опять же. Не то Гитлера кто-то воссоздать из нижней челюсти собирается, не то Сталина из бог весть чего. Спилберговский «Парк Юрского периода» смотрел. Сказать по правде – ничего не знаю. Не мой курятник.

– С овечкой дутая сенсация, это не наука, это фокусы, и очень дорогие к тому же. Клонирование человека – разве что внуки наши доживут, если не хватит ума понять, что никому это не нужно. Динозавров – сильно сомневаюсь, а вот мамонтов, при соответствующем финансировании, почему

бы и нет? С трансгенными продуктами совсем просто – конкуренты же никому не нужны, вот и запугивают обывателя, хоть обычную-то картошку он лопает и не боится позеленеть или клубнями обрасти, а между тем в ее генетической программе это записано... А уж с гербалайфами точно по вашей части, потому как жулики они.

Гуров не выдержал и расхохотался. Мариам, глядя на него, тоже рассмеялась и затем продолжила импровизированную лекцию.

– Когда люди, далекие от биологии, слышат слово «клетка», что они представляют? То, что в школьном учебнике нарисовано, шарик такой с ядром посередине и прочими причудами вокруг. Если это растительная клетка, то, может быть, про хлорофилл и фотосинтез вспомнят, а совсем уж эрудиты уровня «Что? Где? Когда?» и про двойную спираль ДНК. Да еще сакраментальную фразочку: «Нервные клетки не восстанавливаются!»

– Все точно, – перебил Гуров. – Я еще знаю, что клетки делятся!

– Вот-вот! Но такой клетки из учебника в природе не существует, как не существует некоего «человека вообще». Люди бывают разных рас, возрастов, профессий, наконец. И клетки тоже! А профессии для них особенно важны: есть клетки кожи и, допустим, клетки печени или лимфоциты крови, это такая «внутренняя милиция», точнее – контрразведка. Профессии у них разные, и устроены они по-разному.

Или, что мне ближе, клетки листа, – она подняла руку и погладила, как гладят кошку, глянцевитый лист латании, – они как раз с хлорофиллом и потому зеленые и клетки корня. Заметьте, Лев Иванович, генетически все клетки организма равноценны, в каждой записана одинаковая и очень обширная программа. Теоретически эту пальму можно вырастить из одной ее клеточки, из любой – это, кстати, и называется клонированием. Но что-то заставляет клетки листа выполнять только часть программы, нужную листу. Клетка печени выполняет свою часть программы, а нейрон – та самая нервная клетка – свою. Дилетантов среди клеток нет, только специалисты! Мы хотим понять, что же заставляет их включать только свою часть программы, это одно из направлений работы лаборатории.

В эти минуты Мариам забыла о печальной причине своей встречи с Гуровым. Она увлеклась, глаза ее особенно живо заблестели, было видно, что ей и самой интересно растолковывать симпатичному голубоглазому полковнику милиции азы клеточной теории.

– И ведь вот в чем дело, специализированные клетки в нашем, да в любом организме, они не делятся. Им не до размножения, им работать надо на благо целого: фотосинтезировать, воду из почвы всасывать или нервный импульс проводить, да мало ли чего организму нужно, понимаете? – Она на секунду задумалась, подбирая сравнение, и чуть смущенно продолжила: – Вот бывают среди людей такие трудоголи-

ки – вся жизнь в работе, так им не до любви. А клетки – они все такие!

– Ну а как же рост? – перебил Гуров. – Пальма ваша растет, у березки какой-нибудь каждый год листья новые появляются, ребенок, опять же, взрослым становится. Потом волосы, ногти... Я слышал от наших экспертов, и кровь полностью меняется, за два, что ли, года. И кожа, а старая – отмирает. Как же без деления?

– Правильно, никак! Поэтому есть особые клетки, молодые, неспециализированные, они как раз больше всего похожи на клетку из школьного учебника. Они еще не умеют ничего, только делиться, а профессию их потомство потом приобретает. У нашей пальмы, – Мариам посмотрела на латанию, – в кончиках корешков, стебля и листьев такие клетки есть. Вот, скажем, разделилась одна из них на две, – она развела в стороны кисти, – теперь из этих двух первая начнет специальность приобретать, и получится из нее и ее «ровесников» сосудистый пучок, а вторая останется молодой и снова делиться будет, как материнская. Или клетки нашего костного мозга, вы про кровь сказали. Они только тем и занимаются, что все время делятся, а из их потомства клетки крови и выходят. Самые разные – кто кислород переносит, кто вредные микробы пожирает, – это как раз милиция с контрразведкой. Но размножаться им ни-ни! Не заскучали еще, Лев Иванович?

– Какое там заскучал! – Гурову действительно было инте-

ресно. – Такие вы мне любопытные вещи открываете! И на людей как похоже – кто помоложе, те, значит, размножаются и в ус себе не дуют, а как профессионалом стал и остепенился – забудь про чувства нежные и занимайся делом. Например, преступников лови. А не бывает так, – Гуров хитро улыбнулся, – что заслуженная и поседевшая клетка в генеральских погонах вспоминает бурную молодость и пускается во все тяжкие? Бес в ребро, так сказать?

– Бывает, только зря улыбаетесь. Когда специализированная клетка «вспоминает молодость», к ней возвращается способность неограниченного деления. Она регрессирует до «клетки вообще», забывает свои функции и безудержно делится, делится, делится... И ее дочерние клетки тоже. Это, Лев Иванович, страшная беда для организма. Она называется раковой опухолью. Причины, которые пробуждают в добропорядочной клетке такие «воспоминания», мы в лаборатории изучаем тоже. Не у человека, конечно, а на наших объектах – растениях. Александр Иосифович очень этим направлением интересовался.

– Ужасы какие-то рассказываете, Мариам! А подробнее немного можно?

– Конечно. – Она вытянула из пачки сигарету и, улыбнувшись, вдруг протянула пачку Гурову. – Я же вижу, вам тоже курить хочется.

– Спасибо... – Лев Иванович несколько ошарашенно поблагодарил Кайгулову. – Ну вы и глазастая!

Они некоторое время молча курили, стряхивая пепел в хромированные чудища. Затем Мариам продолжила:

– Если взять, аккуратно вырезать небольшой кусочек растительной ткани из того участка, в котором сосредоточены молодые делящиеся клетки, то его можно поместить в пробирку или в колбочку со специальной питательной средой. И потом добавлять туда, в эту среду, специальные вещества – гормоны растительные и некоторые, – она помолчала, подбирая нужное слово, – регуляторы, вроде как витамины для человека. Или яды иногда, но по чуть-чуть. Для каждого вида растений – свои и в определенных пропорциях, это искусство целое – подобрать... Тогда можно заставить клетки этого кусочка делиться довольно долгое время. Вне растения, понимаете? В пробирке, в колбе. И «профориентацию» подавить. Получится как бы опухоль, ну не совсем, скорее – ее модель. Такой кусочек чистой образовательной ткани мы называем каллусом. Он там в пробирке разрастается потихоньку, а потом, если снять пресс воздействия, клетки начинают профессии приобретать, специализироваться. Могут из нашего кусочка корешки ползть, могут зачатки листьев. У нас это вторичной дифференциацией называется, – она озорно вскинула голову. – Вы посидите тут один минутку, а я вам принесу показать. Говорят, лучше один раз увидеть...

Гуров, поджидая упорхнувшую Мариам, призадумался. Да, ее рассказ был интересен, но пока ни на чуть-чуть не приближал Льва к решению его неотложных проблем и вопро-

сов. Занимаются очень милые люди, если все такие же, как она, разгадками разных там тайн природы, любопытство за казенный счет удовлетворяют, и дай им бог, особенно учитывая крайнюю скупость этого самого счета. С прорвой Минобороны или, не к ночи будь помянутого, Минводхоза и сравнивать смешно. Но при чем тут, скажите на милость, наркотики, убийства, оторванные головы и прочая мрачная уголовщина? Может, они такое наоткрывали, что наши заклятые друзья из «цивилизованных» стран губы пораскатали? Промышленный, и не только, шпионаж? Тогда проще – сплавить дело к «соседям», и отцветай, моя черешня! Но, опять же, ни на чем пока эта версия не базируется. Значит, надо работать дальше, слушать, смотреть, анализировать. И срочно выяснять личность новоявленного всадника без головы из вишневой «девятки», других нитей пока не видно. Звонка на мобильник от Станислава не было, надо понимать, вкалывает Крячко, но ничего свеженького еще не нарыл.

– Вот, посмотрите. Это морковка!

Появившаяся перед задумчивым Гуровым, как бы из ниоткуда, слегка запыхавшаяся Мариам протягивала ему маленькую прозрачную коническую колбочку, заткнутую куском ваты. Лев стал внимательно разглядывать ее содержимое. На слое соломенно-желтого желе, наверное, той самой «питательной среды», слегка погруженный в него, лежал яркий желтовато-оранжевый комок неопределенной формы, сантиметров двух в диаметре. Больше всего он походил на

оплывший, только что вынутый из стакана с горячим чаем кусок быстрорастворимого сахара-рафинада, излюбленного лакомства гуровского детства. Снизу от комочка отходили белесоватые недлинные нити – отростки, углублявшиеся в желе. Верх был покрыт бурыми, влажно блестящими пятнами.

– Недельный морковный каллус. Правда, сверху уже некроз пошел, отмирают ткани, гниют. Долго не протянет. А внизу – зоны ВД, вторичной дифференциации. Вот, смотрите – корешки формируются. Это я сама высаживала, – с явной гордостью заявила Кайгулова.

– Здорово, – только и смог прокомментировать сыщик. – Значит, этим как раз и занимаетесь?

– Не только. Видите, здесь все клеточки еще вместе, кучкой. А можно, если знать как, их разделить, чтобы каждая по отдельности от других плавала. Только тогда среда жидкая нужна. Это вроде молочнокислых бактерий в молоке, когда кефир или йогурт делают. Вы вот самогонщиками тоже, наверное, занимались?

– Я?! – Лев аж крикнул от неожиданности. Однако он мог бы поклясться, что никаких ноток сарказма в голосе Кайгуловой слышно не было. Ну и наивность, однако! – Да где мне, Мариам! Я все больше по бандитам, грабителям да взяточникам в особо крупных размерах специализируюсь, серийным насильникам, маньякам и прочей мелкой шушере. – Он не выдержал и весело рассмеялся, ощутив, как, хоть на мгно-

вание, с плеч сваливается тяжесть этого нелегкого дня.

– Ой, простите, Лев Иванович, глупость сморозила, – она заметно покраснела, и ей это необыкновенно шло, – но вы ведь поняли? Дрожжевые клетки в бражке размножаются и расходятся сразу, по всему объему. И наши растительные так могут, только этого добиться очень сложно, с каллусом не в пример проще. А называется такое – суспензионная культура.

– И зачем это нужно?

– Ну как же: все параметры среды контролировать легче, за различными изменениями клеток следить, формой, размером... И потом, представьте, есть у вас большая банка с мешалкой автоматической. – Она развела руки в стороны, показывая величину банки, а затем повращала кистью, изображая мешалку. – По одной трубке в нее подаем питательную жидкую среду, а по другой откачиваем излишек того, что выросло, ну и отходы жизненные наших клеток, вроде как канализация. Тогда такую культуру можно очень долго поддерживать в нужном режиме. Это я с банкой примитивно, конечно, но ферментеры наши – анкум, фермус – вообще-то так и работают.

Слушать ее было интересно и занятно, но Гуров решил потихоньку сворачивать свой биотехнологический ликбез и переходить к вопросам, прибереженным «на сладкое».

– Мариам, а все ваши, я лабораторию имею в виду, работы идут по открытым тематикам? Ничего эдакого нет? За рубе-

жом свои материалы свободно печатаете? У меня форма допуска соответствующая, так что не стесняйтесь.

– Нет-нет! Что вы, какой допуск! – Она смотрела на Льва с крайним удивлением. – Все открыто, и всегда так было. И публикуемся свободно – в «Plant Physiology», в «Cell», у Деда с Андреем Андреевичем даже в «Nature» статья выходила. И ездили свободно всюду, вплоть до Австралии, – там конгресс был. Сейчас, правда, дома сидим. Денег мало. А к нам приезжают со всего мира, – с гордостью добавила Кайгулова.

– Хорошо, давайте немного с другой стороны. Ваши исследования могут дать выход на практику, крупный экономический эффект? Как, вообще, в смысле «урожая»: что-нибудь из ваших результатов можно руками пощупать, деньги заработать, или...

– Так и знала, что этот вопрос зададите, не вы первый. Деда и на дирекции, и в отделении заспрашивали – где, мол, реальная польза? – Она осуждающе покачала головой. – Дед как-то разнервничался и наорал на ответственного секретаря отделения. Дескать, наука – это интеллектуальный храм, воздвигаемый во славу божию, и торгашам в нем места нет, гнать их надо, как спаситель некогда. Скандал бы-ыл... А вскорости его на выборах в действительные провалили, дураки неумные. – Выражение ее лица неуловимо изменилось, потеплело. – Впрочем... У вас женщина любимая есть, Лев Иванович?

– Да-а, жена, Мария. – От такого неожиданного вопроса

Гуров совершенно опешил.

Мариам вынула из кармана халата темную прямоугольную картонную коробочку, на которой была изображена полуобнаженная красавица в окружении пышной растительности.

– Вот и подарите жене Марии, тем более – почти моя тезка, – она протянула коробочку Гурову. – Крем для лица «Лесная нимфа» с экстрактом женьшеня. А экстракт этот получен из нашей суспензионной культуры, в которую мы женьшень ввели. Конечно, не то, что из тайги, но зато промышленно производить можно, и цена божеская. Вещества ведь те же. И, как эти клинические идиоты в своей дебильной рекламе выражаются, «никакой хи-и-имии!», физика сплошная с геометрией пополам. Это Алаторцев пробил года три назад, не знаю уж, с кем он там из этих ООО договорился, но спектрофотометр новый мы купили, да и детишкам на молочишко малость перепало. Может, еще и с золотым корнем, это родиола розовая, сделаем шампунь или еще чего. Лекарства бы, но это – мечты. Фармкомитет нам не пройти, там мафия почище сицилийской. Вот такой выход в практику, – она грустно улыбнулась, – чем богаты... Можно еще картошку или морковь безвирусную получать, если через культуру провести. Много чего можно, хотя бы соматическую гибридизацию: прямо в пробирках гибридные линии овощей получать, да и злаков, если постараться. Но кому это нужно? Мы же не гербалайф какой, чудес типа трех-

сот центнеров пшеницы с гектара не обещаем! И потом – это передний край. Всегда есть риск, что вот не пойдет, и все! Частник деньги вкладывать побоится, а любимому государству плевать на все это зигзагом с Марса. Так что, Лев Иванович, долларами печку не топим, это вы не по адресу!

– За подарок спасибо, – улыбнулся Гуров. – В жизни не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Мне все относительно ясно. Вот такой еще вопрос, – тон его стал нарочито небрежным, – так, для проформы. В лаборатории ведь приходится работать с самыми различными веществами, верно? Нет ли среди них наркотических или из которых можно наркотик получить... Ну, вы понимаете... Скандал вот был не так давно, я и спрашиваю к слову, – он откровенно блефовал, и блеф удался.

– А-а! Как же! – мгновенно откликнулась Кайгулова. – Это когда какой-то придурок из опаринского института на барахолке в Беляево литр уксусного ангидрида продать пытался? По отделению громовой приказ был, у опаринцев зама по АХЧ сняли и директору выговор вlepили, а за что? Никто от бессовестных кретинов не застрахован. Но у нас просто нет ничего такого, я вас уверяю! Да чего проще – когда будете с Твардовским говорить, возьмите у него копию заявки на реактивы за любой год, хоть за этот, и список того, что сами по фирмам покупали. Экспертам своим отдайте, пусть проверят, но сразу говорю – ничего не найдете, не наш профиль. Да ведь и проверяла нас в апреле комиссия,

не помню откуда.

Гуров решил, что так и поступит, а заодно уточнит историю с «бессовестным кретином», о которой до сегодняшнего дня слыхом не слыхал. Однако он склонен был поверить собеседнице, не было ей смысла лгать, слишком легко проверялись ее слова. Да она, кстати, сама же и подсказала, как это сделать. Здесь этот кончик пока не тянулся. Лев поблагодарил Мариам за увлекательную лекцию, причем сделал это от всей души. Потом она проводила его в лабораторию.

Время уже поджимало, надо было появиться в управлении и ковать железо с безголовым киллером – самой на текущий момент прямой тропкой в сердцевину дела. Абсолютно доверяя Крячко, Лев Иванович все же неуютно чувствовал себя, когда на стержневом направлении розыска стоял не он сам, а кто-то другой, хотя бы и Станислав. Поэтому разговора с высоким, представительным и чуть рыхловатым темно-волосым мужчиной – Андреем Андреевичем Алаторцевым – не получилось. Но, и это было примечательным фактом – насколько естественно и открыто держалась Мариам Кайгулова, настолько Алаторцев ушел в «глухую оборону», даже не пытаясь скрыть свою неприязнь. Гуров был классным профессионалом, он взломал бы лед и разговорил бы этого угрюмого типа, но у него не оставалось на это ни времени, ни желания. Да и необходимости форсажа он не ощущал, понимая, что в институт еще не раз придется наведаться, если не ему самому, так Станиславу.

Гуров еще успел пообщаться со старшим лаборантом Вацлавом Твардовским, невысоким, подвижным брюнетом приблизительно пятидесяти лет, и взять у него список реактивов, рекомендованный Кайгуловой. У Твардовского обнаружилась одна забавная особенность, из тех, что не мешают общаться с человеком и впечатления о нем не портят: в совсем коротком разговоре со Львом тот умудрился трижды упомянуть о своем польском происхождении и старинном шляхетском роде панов Твардовских.

Националистов любой окраски Лев недолюбливал, да и к родовой аристократии ярко-голубых кровей относился без особого трепета, не без основания полагая, что княжеских, графских и прочих отпрысков знатных родов в постсоветской России развелось столько, что скоро плюнуть некуда будет без риска попасть в аристократа, а тот, глядишь, и на дуэль вызовет. Один из таких потомков проходил у Гурова по недавнему, еще не совсем закрытому делу о крупной краже из Музея изобразительных искусств, и как-то раз на допросе обозленный его упрямством Гуров высказал предположение, что почтенный аристократический предок не раз перевернулся в гробу, на потомка гляючи. Но у Вацлава Васильевича этот бзик проявлялся так мило и по-детски, что совершенно не раздражал. Гурову стало весело, и он решил, что в следующий раз с паном Твардовским будет разговаривать пан Станислав Крячко: в друге и соратнике тоже текла толика польской крови. Попутно Лев выяснил, что упо-

мянутый Любовью Александровной Петя Сонин скоро уже как год пребывает на длительной стажировке в Амстердаме. Спросил Гуров о нем исключительно для очистки совести, на всякий случай и по нелюбви оставлять даже мельчайшие хвосты в сыскной работе.

Последним ярким воспоминанием от посещения лаборатории культуры растительных тканей у Гурова осталась здорovuщая «банка» из толстого голубоватого оргстекла, к которой подтащила его неугомонная Кайгулова. Сердито гудевшая «банка» была утыкана штуцерами и отводами, вокруг извивались толстые и тонкие шланги, перья трех самописцев вычерчивали непонятные графики, еще одна синусоида высвечивалась на дисплее стоявшего рядом компьютера, что-то шипело, свистело и щелкало. С уважением подумав: «Наука!», Гуров представил, как эта штукovina приснится ему сегодня в ночном кошмаре, и чуть было не рассмеялся в голос.

В управление он поехал кружным путем, через Замоскворечье, потому что очень проголодался, а на Пятницкой знал неплохое бистро, где можно было в темпе и недорого перекусить горячими пельменями со сметаной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.